

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

УДК 32.019.5:808.5:343:004

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.842-860>

Н. МАРИОН¹,

ДЖ. Б. ХИЛЛ²

¹ Акронский университет, г. Акрон, США

² Университет Южного Миссисипи, г. Хаттисберг, США

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ РИТОРИКА ДЕМОНСТРАЦИИ КОНТРОЛЯ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ)*

Нэнси Марион, доктор философии, профессор, заведующая кафедрой политологии и уголовного права, Акронский университет

Адрес: Olin Hall 201, University of Akron, Akron, OH, 44325-1904, USA

E-mail: nmarion@uakron.edu

Джошуа Б. Хилл, доктор философии, доцент кафедры уголовного права, Университет Южного Миссисипи, г. Хаттисберг

Адрес: 118 College Drive, Hattiesburg, MS 39406-0001

Цель: комплексный анализ президентской риторики демонстрации контроля над преступностью.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой и социологический.

Результаты: темой публичных выступлений президентов все чаще становится уголовное правосудие. Многие их политические речи призваны создать впечатление борьбы с преступностью и насилием, тогда как реальные меры не принимаются. Более того, если какие-либо действия и предпринимаются, они неэффективны и не приводят ни к каким значительным изменениям в политике. Формирование впечатления, что президенты борются с преступностью, часто называют демонстрацией контроля над преступностью. Для нее характерно использование вымышленных нарративов, моральной обеспокоенности, низкого уровня разногласий в обществе, а также неэффективности политики в данной области. В более ранних исследованиях была неоднократно показана значимость демонстрации контроля над преступностью в различных аспектах уголовного правосудия, однако они никогда не касались современной проблемы киберпреступности.

Научная новизна: в работе впервые проанализирована проблема президентской риторики демонстрации контроля над преступностью, изучены схемы и тенденции президентской риторики в отношении киберпреступности. Авторы применяют качественный контент-анализ для проверки гипотезы, которая заключается в том, что президенты используют методики демонстрации контроля над преступностью при обсуждении киберпреступности, в частности,

* Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology* Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS)* и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском языке: Marion N., Hill J. B. Presidential Rhetoric as Crime Control Theater: The Case of Cybercrime, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2015, Vol. 19, No. 2, pp. 81–97.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/3794-presidential-rhetoric-as-crime-control-theater-the-case-of-cybercrime>

методы вымышленных нарративов и моральной обеспокоенности. В результате этого опасения широкой публики по поводу киберпреступности сглаживаются, а принятие значимых мер откладывается. Результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с президентской риторикой демонстрации контроля над преступностью.

Ключевые слова: демонстрация контроля над преступностью; киберпреступность; президентская риторика; моральная обеспокоенность; вымышленные нарративы

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Марион Н., Хилл Дж. Б. Президентская риторика демонстрации контроля над преступностью (на примере киберпреступности) // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 4. С. 842–860. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.842-860>

N. MARION¹

J. B. HILL²

¹ University of Akron, Akron, USA

² University of Southern Mississippi, Hattiesburg, USA

PRESIDENTIAL RHETORIC AS CRIME CONTROL THEATER: THE CASE OF CYBERCRIME*

Nancy Marion, Ph.D., is a professor and chair of Political Science and Criminal Justice, University of Akron in Ohio

Address: Olin Hall 201, University of Akron, Akron, OH, 44325-1904, USA

E-mail: nmarion@uakron.edu

Joshua B. Hill, Ph.D., is an assistant professor of criminal justice, University of Southern Mississippi in Hattiesburg, Mississippi

Address: 118 College Drive, Hattiesburg, MS 39406-0001

Objective: to comprehensively study the presidential rhetoric as crime control theater.

Methods: dialectical approach to the cognition of social phenomena, enabling to analyze them in their historical development and functioning in the context of a set of objective and subjective factors, which determined the choice of the following research methods: formal-logical, comparative-legal, and sociological.

Results: Presidents have increasingly made criminal justice a part of their public agenda. Much of their political speech on crime and violence focuses on creating the impression of action, even when none is taken. Moreover, if actions are taken, they are ineffective and do not result in significant policy shifts. When presidents give the impression that they are fighting crime, it is often called crime control theater. This is characterized by the use of mythic narratives, a reliance on moral panic, little public dissent, and the ineffectiveness of the policy itself. While many previous studies have demonstrated the importance of crime control theater regarding different criminal justice topics, none have focused on the emerging problems of cybercrime.

Scientific novelty: for the first time, the article analyzes the issue of the presidential rhetoric as crime control theater, examines the patterns and trends in presidential rhetoric on cybercrime. The authors use a qualitative content analysis to test the hypothesis that presidents rely on the techniques that comprise crime control theater when discussing cybercrime, in particular, mythic narrative and moral panic. As a result, public fears of cybercrime are allayed but at the same time, any significant action is postponed. The research results have confirmed the proposed hypothesis.

* The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Marion N., Hill J. B. Presidential Rhetoric as Crime Control Theater: The Case of Cybercrime, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2015, Vol. 19, No. 2, pp. 81–97.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/3794-presidential-rhetoric-as-crime-control-theater-the-case-of-cybercrime>

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activity when considering the issues related to the presidential rhetoric as crime control theater.

Keywords: Crime control theater; Cybercrime; Presidential rhetoric; Moral panic; Mythic narrative

For citation of Russian version: Marion N., Hill J. B. Presidential rhetoric as crime control theater: the case of cybercrime, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 4, pp. 842–860. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.842-860>

Введение

Во время предпраздничного ажиотажа в декабре 2013 г. торговая компания Target объявила, что обнаружила крупный дефект своей системы безопасности и под угрозой находятся данные около 40 миллионов покупателей, а именно, номера и сроки действия банковских карт, их коды безопасности и ПИН-коды. Это привело к падению чистой прибыли Target на 46 % в течение указанного времени [1]. В декабре 2014 г. компания SONY Pictures Entertainment подверглась атаке со стороны северокорейских хакеров, которые украли личные и коммерческие данные и частично разрушили ее компьютерные системы [2]. В июне 2015 г. хакеры (предположительно из Китая) взломали компьютерную систему федерального государственного учреждения «Управление кадровой службы», получив доступ к личным данным четырех миллионов государственных служащих [3]. В июне 2017 г. хакерской атаке подверглись сотни компаний во всем мире, в том числе банкоматы на Украине и шоколадная фабрика Cadbury в Австралии [4].

Подобные киберпреступления становятся обычным делом по мере возрастания использования сетевых компьютерных технологий в повседневной деятельности частных лиц и компаний. Одновременно возрастают опасения широкой публики стать жертвой киберпреступности, а также «технопаника» среди пользователей компьютеров [5]. «Технопаника» – это одна из форм моральной обеспокоенности, которая наступает, когда социальная проблема начинает раздуваться в средствах массовой информации и реакция на нее становится преувеличенной [6]. Зачастую угроза от определенного действия целенаправленно конструируется и преувеличивается [7]. Более конкретно «технопаника» – это такая форма моральной обеспокоенности, которая основана на раздутом страхе перед технологической преступностью. Это может привести к появлению новых

законов и политических мер, направленных против киберпреступности [8].

Президенты реагируют на эти новые опасения по поводу киберпреступности и связанной с ними технопаники, обсуждая эти проблемы во время различных выступлений. Все президенты последних лет (Клинтон, Буш-младший, Обама, Трамп) высказывались о проблемах киберпреступности и возможных решениях. Эти речи были призваны создать впечатление, что меры для решения указанных проблем принимаются, однако они часто содержат предложения, которые не могут быть реализованы, а если и будут реализованы, то не будут иметь никакого или почти никакого влияния на киберпреступность. Более того, многие речи президентов вообще не содержат никаких предложений, а лишь производят впечатление, что какие-то действия предпринимаются.

Для описания ситуации, когда власти отвечают на опасения общества умиротворяющими речами вместо реальных эффективных мер, ученые Hammond, Miller и Griffin [9] предложили использовать понятие «демонстрация контроля над преступностью». Исследования прошлых лет были посвящены критериям, по которым законы и политические меры можно считать такой демонстрацией (например, [9, 10]). Настоящая работа представляет собой анализ речей президентов, посвященных киберпреступности, с целью определить, является ли их риторика демонстрацией контроля над преступностью в ответ на проявления технопаники.

Демонстрация контроля над преступностью и моральная обеспокоенность

Демонстрация контроля над преступностью определяется как законы или действия, предпринимаемые государственными чиновниками в ответ на преступление или преступное деяние, которые создают впечатление контроля над преступностью, но фактически не являются таковым» [10, с. 160] (см. также [9, 11]).

Другими словами, меры, представляющие собой демонстрацию контроля над преступностью, призваны, казалось бы, предотвратить совершение таких преступлений в будущем, но в реальности не дадут какого-либо существенного или осязаемого эффекта. Это лишь иллюзорные средства борьбы с преступностью, так как по внешнему виду кажется, что они могут решить проблему, но на самом деле это не так [12].

Политические меры, представляющие собой демонстрацию контроля над преступностью, часто предлагаются и даже применяются представителями государственной власти в ответ на моральную обеспокоенность общества, которая возникает, в случае если преступность как социальная проблема оказывается в центре внимания [13]. Время от времени средства массовой информации могут создавать искаженную или преувеличенную информацию о каком-либо преступлении или акте насилия, представляя их как непосредственную угрозу общественным интересам и ценностям [6, 7, 14, 15]. Журналисты настойчиво обсуждают серьезный ущерб от такого преступления, даже если он бывает очень редко. Воспринимая такие сообщения, люди начинают считать, что потенциальный ущерб от таких преступлений гораздо значительнее, чем на самом деле. Это некорректное освещение в СМИ часто вызывает распространение обеспокоенности по поводу опасности преступлений, в действительности же неверное или необоснованное [16]. Опасения начинают быстро и широко распространяться. Хотя сообщения об ущербе сильно преувеличены, а иногда и просто выдуманы, общество требует от властей какой-то реакции для предотвращения подобных преступлений в будущем [17].

В 1972 г. исследование серии эпизодов «моральной обеспокоенности» было проведено в работе Cohen с целью охарактеризовать реакцию средств массовой информации, общества и учреждений социального контроля на волнения в молодежной среде. Исследование показало, что моральная обеспокоенность имеет следующие ключевые элементы, или стадии:

«Кто-либо или что-либо определяется как угроза ценностям или интересам; эта угроза описывается средствами массовой информации в легкоузнаваемой форме; происходит быстрое нарастание обеспокоенности в обществе; имеет место реакция со стороны представителей власти или авторитетных источников; паника проходит или происходят изменения в обществе» [7, р. 9].

Политики, в свою очередь, реагируют на обеспокоенность широкой публики и призывы к действию, предлагая меры контроля над преступностью, которые, на первый взгляд, кажутся эффективным решением проблемы. Однако политики редко пытаются найти реальную причину проблемы. Вместо этого они полагаются на быстрые и простые решения, которые могут успокоить страхи в обществе. Публика, которая слышит эти предложения, верит, что предлагаемые меры сработают, поэтому эти меры находят широкую поддержку в обществе [11].

Предложения, выдвигаемые выборными представителями власти, если они не приводят к реальным политическим мерам, носят название символической политики [18]. Она используется политиками (как президентами, так и конгрессменами) с различными целями, в первую очередь для разъяснения, успокоения публики, а также введения ее в заблуждение [19, 20]. Символические действия и выступления разъясняют публике сущность проблем и предлагаемых решений. Тем самым политики успокаивают обеспокоенных граждан и дают им понять, что избранное официальное лицо знает о проблеме, заботится о гражданах и что предпринимаются меры для решения проблемы [21–23]. Другими словами, они «убеждают и успокаивают общественность» [24, р. 13]. Иногда символические действия затемняют проблему или скрывают ее сложность, представляя вопрос более легким для решения, чем на самом деле [25].

Символическая риторика выполняет и другие функции. Так, она может выполнять морально-просветительскую функцию, рассказывая публике о должном поведении [23]. В некоторых случаях она помогает поддерживать общественный порядок, так как дает понять заинтересованным слушателям, что меры для их безопасности принимаются [18]. Символические выступления и действия производят впечатление предпринимаемых мер, но в действительности никаких постоянных, значимых перемен не будет. В конечном итоге, как и в случае демонстрации контроля над преступностью, символическая риторика часто представляет собой «широко разрекламированное внимание к важной проблеме, которая никогда не будет решена» [18, pp. 38–39]. Она «не дает того, что, казалось бы, дает» [26, р. 15] (см. также [27]).

Эти символические меры, как и демонстрация контроля над преступностью, характеризуются также

обращением к вымышленным нарративам. В этом случае ряд событий объединяется таким образом, чтобы придать им определенный смысл или значимость [28]. Нарративы объединяются и преподносятся так, что неверно передают событие или неверно представляют его последствия, тем самым искажая восприятие реальности. Вымышленные нарративы часто выражают представления определенной группы, но неверно отражают существующие политические установки или проблемы. Тем не менее они способны объединить опыт различных людей и передать некую установку, верную или нет [28].

Еще одна характеристика демонстрации контроля над преступностью – это высокий уровень консенсуса. Меры, относящиеся к демонстрации контроля над преступностью, пользуются значительной поддержкой со стороны широкой общественности и даже других политических деятелей. Многие хотят видеть быстрое решение проблемы, и оно предлагается политиками, использующими метод демонстрации контроля над преступностью [11, 13].

Однако если тщательно проанализировать меры, основанные на вымышленных нарративах, становится ясно, что они едва ли могут достичь заявленных целей. Многие из предлагаемых решений не основываются на детальном анализе проблемы. Часто они игнорируют любые потенциальные недостатки или возможные неудачи, а также не рассматривают альтернативные меры [12]. Кроме того, они могут быть основаны на предубеждениях [13]. Более глубокий анализ сразу показывает, что предлагаемые меры не приведут к снижению числа конкретных преступлений. Наоборот, такая политика окажется неэффективной для решения насущных проблем, а ее последствия совершенно не будут соответствовать заявленным целям [9]. Множество предлагаемых мер по борьбе с преступностью не только оказывались неэффективными, но даже имели непредвиденные отрицательные или вредные последствия [11].

Несмотря на отсутствие реального действия, политики (зачастую и президенты) прибегают к демонстрации контроля над преступностью, чтобы показать свою заботу об общественной безопасности [11]. Избранные политики знают, что такую сложную проблему, как преступность, нельзя решить простыми способами, но часто стремятся создать такое впечатление у публики. Прибегая к методу демонстрации

контроля над преступностью, политики успокаивают опасения общества и получают поддержку своим действиям и себе лично.

Согласно исследованию Hawdon [29], политики не только стремятся показать, что откликаются на запросы общества, но и могут способствовать развитию моральной обеспокоенности. Этот ученый показал, что выступления политиков во многих случаях влияют на восприятие проблемы широкой общественностью, а значит, и на вероятность развития моральной обеспокоенности по каждому конкретному поводу. В частности, в выступлении президента дается определение проблемы и требуемый политический отклик на нее. Тем самым социальная проблема может преувеличиваться, создавая страх и моральную панику. Это подготавливает фон для демонстрации контроля над преступностью со стороны президента.

В недавних исследованиях приводились два политических действия в качестве примера демонстрации контроля над преступностью. Это система оповещения о пропавших детях Amber Alert [10, 30, 31] и законы Safe Haven [законы, освобождающие родителей от ответственности при оставлении новорожденного ребенка в специальном безопасном месте типа «бэби-боксы». – Прим. переводчика] [9]. Обе эти меры появились в ответ на моральную обеспокоенность и не решают проблем, на которые были направлены. Закон Amber Alert был принят после похищения и убийства девятилетней девочки по имени Амбер Хагерман. Общественность требовала принять меры для предотвращения подобных преступлений в будущем. В результате был принят федеральный закон, согласно которому правоохранительные органы могут оповещать общественность о пропавших детях. К сожалению, практика показала, что данная система плохо выполняет задачу поиска пропавших детей [10]. Причина в том, что большинство людей не хотят звонить в полицию, если они увидели ребенка. Есть также мнение, что система оповещения может способствовать возникновению имитаций преступлений людьми, стремящимися получить известность. Кроме того, оповещения могут испугать похитителя, заставив его убить ребенка, чтобы избежать поимки [10, 31]. Таким образом, закон Amber Alert – это пример демонстрации контроля над преступностью: он был принят в ответ на преступление, пользовался большим вниманием политиков и поддержкой обще-

ственности, но в итоге оказался неэффективным для решения конкретной проблемы и к тому же имеет серьезные нежелательные последствия.

Такие законы, как Amber Alert, закон Меган, закон Джессики, обычно получают широкую поддержку общественности в качестве меры против конкретного преступления. Они отвечают чувству моральной обеспокоенности публики и обращаются к мифическим нарративам, таким как спасение ребенка. Однако они не способны достичь заявленных целей, поскольку простыми средствами нельзя решить сложные проблемы [13].

Президентская риторика и меры контроля над преступностью

Одним из способов реакции президентов на моральную обеспокоенность общества является выступление с речью, в которой обсуждаются предложения по решению или предполагаемому решению какой-либо проблемы. Выступления президентов на тему преступности и уголовного правосудия имеют давнюю историю. Она началась в 1964 г. с предвыборных дебатов Джонсона и Гоулдуотера, в ходе которых последний обвинил демократов в слабости, приведшей к повышению уровня преступности, и пообещал избирателям прибегнуть к жестким мерам противодействия преступности. С тех пор уровень преступности стал в той или иной степени темой выступлений каждого президента [21, 32, 33], а последние президенты часто говорили о своих планах по снижению уровня насилия [32–39].

Президенты либо полностью посвящают речь преступности, часто в ответ на моральную обеспокоенность [29], либо включают эту тему в более глобальное выступление [33, 40, 41]. Они часто обсуждают уровень насилия в обществе или выдвигают предложения по борьбе с преступностью с целью сделать общество безопаснее для граждан [33, 38, 39, 42, 43]. Хотя в современный период каждый президент говорил на тему преступности, они сосредоточивались на разных проблемах и предлагали меры борьбы, различные по степени своей действенности [33].

Многие работы о коммуникации президентов США посвящены ежегодному посланию президента Конгрессу о положении в стране, поскольку именно в нем президент традиционно говорит народу о важных для себя проблемах. Как отмечали Lempert

и Silverstein, эти послания стали «упражнениями в ораторском искусстве с целью убедить, передаваемые президентом непосредственно народу через средства массовой информации, так сказать, через голову Конгресса» [44, р. 54]. Однако президенты могут передавать информацию и сообщать о своих предпочтениях в политике и другими способами, например, путем президентских заявлений [20], административных указов [45] или бюджетных требований [46–49]. Кроме того, они используют пресс-конференции и новостные сообщения [50].

Влиянию этих различных форм президентской риторики на общественное мнение был посвящен ряд исследований [51, 52]. Президенты выбирают тему преступности, так как считают, что могут тем самым оказать влияние на восприятие этих проблем общественностью [53]. Многочисленные исследования показывают, что выступления президента оказывают значительное влияние на общество [54–56]. В исследовании Young и Perkins показано повышение внимания общественности к темам, затронутым президентом в ежегодном послании Конгрессу, в частности, к вопросам экономики, внешней политики, гражданских прав [57]. При этом отмечалось, что это влияние кратковременно.

Итак, есть основания полагать, что некоторые президенты способны использовать возможности «кафедры проповедника» [*Определение поста президента США, данное Рузвельтом. – Прим. переводчика*] для влияния на общественное мнение и принятие определенных мер. Другими словами, «политическая риторика президента способна создать такое представление о реальности, которое порождает повсеместное внимание к определенной проблеме» [29, р. 422]. Это означает, что президенты способны как обозначить проблему, так и дать ее решение. Таким образом, президенты используют свои выступления, чтобы обратиться к народу и получить поддержку своих инициатив [58–66].

Обсуждение президентом проблемы преступности и предпринимаемые меры противодействия потенциально выполняют несколько функций. Во-первых, они могут представлять собой политические действия с определенной целью [41]. К примеру, проблемы преступности могут помочь президенту решить проблему бедности или других социальных проблем непопулярными методами. В этом случае президент

подменяет эту проблему проблемой преступности и делает решение более приемлемым для публики. Во-вторых, обсуждение проблем преступности и мер противодействия со стороны президента может использоваться для отвлечения внимания от других социальных проблем [34]. В иных случаях президент может уклоняться от обсуждения другой проблемы, так как она сложна или затрагивает множество заинтересованных лиц. Вместо этого обсуждается преступность, так как эта проблема понятна народу и, на первый взгляд, кажется легко решаемой. Третья функция обсуждения проблем преступности президентом – предварить обсуждение проблем, вызывающих страх [53, 67, 68]. Президенты часто говорят о преступности в связке с другими проблемами, вызывающими страх (в последнее время это терроризм), что позволяет им предпринимать более жесткие шаги, которые иначе не были бы поддержаны общественностью.

Президентская риторика по поводу киберпреступности как демонстрация контроля над преступностью

В последние несколько лет президенты начали обсуждать относительно новый тип преступлений – киберпреступления [56]. С прогрессом технологий киберпреступники находят все новые способы совершать преступления через Интернет. Компьютерная преступность быстро развивается, серьезно угрожая отдельным гражданам, компаниям и государствам. Преступления, совершенные через Интернет, широко освещаются средствами массовой информации, особенно если при этом затронуты известные лица или компании, такие как Target или Sony [69]. Если эта реакция средств массовой информации продолжается некоторое время, она может вызвать технопанику. Когда люди слышат, что частная информация сотора миллионов клиентов компании или четырех миллионов государственных служащих подверглась взлому, они начинают бояться также стать жертвой преступления и требуют принять меры. Хотя широкая публика плохо понимает суть киберпреступности [70], она хочет знать, что правительство принимает меры безопасности.

Президенты современности отвечали на опасения общественности в своих выступлениях, предлагая новые меры для исправления вреда, причиненного киберпреступлениями, и для предотвращения их

в будущем. Фактически эта тема становится все более значимой; высказывается мнение, что эти опасения стали частью моральной обеспокоенности по поводу технопреступности [5, 71]. Говоря о киберпреступности, президент показывает, что разделяет эту обеспокоенность и ставит перед всей страной задачу принять меры [29, 72]. Однако, поскольку киберпреступность представляет собой проблему, которую очень сложно, если вообще возможно, решить, то президент прибегает к демонстрации контроля над преступностью, показывая, что он и отвечает на опасения общественности, и предлагает решение в одно и то же время.

До настоящего времени не проводилось научного анализа влияния президентской риторики на киберпреступность. Чтобы заполнить этот пробел в науке, в данной работе исследуются выступления президентов на тему киберпреступности с целью выяснить, как президенты формулируют эту проблему в своих выступлениях и выдвигают ли они законы и меры, относящиеся к демонстрации контроля над преступностью. Поскольку выступления президентов значимы для развития моральной обеспокоенности [29], многие аспекты киберпреступности стали частью такого более широкого явления, как технопаника [5, 69], постольку изучение реакции президентов на отдельные аспекты киберпреступности может помочь понять развитие феномена демонстрации контроля над преступностью. Цель исследования – дать описание контекстов, в которых президенты прибегали к демонстрации контроля над преступностью, а также дать оценку выступлениям президентов по поводу киберпреступности в аспекте демонстрации контроля над преступностью.

Данные

Основным источником выступлений президентов по поводу киберпреступности стал проект American Presidency Project, который представляет собой базу данных выступлений президентов с возможностью поиска онлайн. В соответствии с целью оценки выступления президентов по поводу киберпреступности как демонстрации контроля над преступностью выступления президентов были основным объектом анализа.

Поиск примеров киберпреступности затруднен, поскольку разные страны и организации используют различные определения подобных деяний [70]. Кроме того, данный термин часто заменяется такими, как «компьютерное преступление», «технопреступ-

ность», «компьютерная преступность». Это вызывает еще большую путаницу в обществе [69, 73, 74]. Проблема усугубляется при использовании слов «кибертерроризм» или «кибератака». Эти термины также очень аморфны и часто используются совместно [69, 75]. Однако недавние исследования показали, что, несмотря на неточность термина, понятие «киберпреступность» стало общепринятым [69]. Для целей настоящего исследования термин «киберпреступность» понимается как незаконная деятельность посредством Интернета или других сетевых систем. Таким образом, наше исследование охватывает широкий спектр криминальной деятельности, от детской порнографии до кибертерроризма.

Для поиска выступлений президентов по поводу киберпреступности использовался запрос приставки «кибер». Это дало большое количество результатов, от киберпреступности до киберхулиганства. Затем производился уточненный запрос по словам «Интернет», «онлайн», «кража данных», для выявления выступлений по поводу киберпреступности, не содержащих приставки «кибер». Были выявлены выступления как на указанные, так и на другие темы, например, по поводу интернет-хищников, интернет-порнографии и интернет-сталкинга.

Первое исследование, охватывавшее 1995–2015 гг., выявило 491 эпизод. Многие из них оказались ссылками на понятия, выходящие за рамки нашего исследования (например, «кибернетика»). В других случаях тема затрагивалась не самим президентом, а кем-то из его окружения. Таким образом, количество эпизодов сократилось до 380.

Учитывая, что киберпреступность является относительно новым феноменом, только четыре президента произносили речи на эту тему: Билл Клинтон, Джордж Буш – младший, Барак Обама и Дональд Трамп. Последний был исключен из анализа по причине краткости его пребывания в должности на момент сбора данных. Как ни странно, указанные президенты уделяли относительно немного внимания проблеме киберпреступности в целом, хотя данная проблема становится все более значимой. Вместо этого президенты посвящали свои выступления конкретным аспектам киберпреступности, например, краже персональных данных. Значительное внимание было уделено проблемам национальной безопасности в Сети после событий 11 сентября.

Анализ данных проводился в два этапа. Сначала все выступления президентов оценивались с точки зрения наличия содержания, относящегося к методу демонстрации контроля над преступностью. Выступления, содержащие хотя бы один элемент демонстрации контроля над преступностью, кодировались как 1, не содержащие таких элементов – 0. Выступление оценивалось как содержащее демонстрацию контроля над преступностью, если президент делал заявление, выглядящее как принятие мер для решения проблемы, но в действительности не ведущее ни к каким конкретным шагам. Например, Дональд Трамп сказал:

«Наша цель – осуществить широкомасштабную трансформацию федерального правительства в области технологий, которые будут предоставлять кардинально более качественные услуги населению и будут лучше защищены от кибератак – это мы только что обсуждали в Овальном кабинете в чуть более тесном составе. Несомненно, это важная проблема. Мы будем над ней работать, и мы решим ее – а также сэкономим более триллиона долларов наших налогоплательщиков в течение десяти лет. Более триллиона» [76].

Судя по этому заявлению, кажется, что Трамп принимает меры, но он не дает никаких деталей плана, по которому собирается решать проблему. Заявление призвано произвести хорошее впечатление на аудиторию, но никаких значительных перемен не произойдет.

Еще один пример – выступление президента Буша с описанием помощи жертвам киберпреступности в рамках закона о жертвах преступлений Victims of Crime Act (VOCA). Он сказал: «В последние годы закон VOCA стал применяться и к таким проблемам, как киберпреступность, кража персональных данных, пропаганда насилия и ненависти, stalking» [77]. Здесь Буш говорит, что государство оказывает помощь жертвам киберпреступности, но не сообщает ничего конкретного об этой помощи. Кроме того, он дает понять, что правительство знает о проблеме киберпреступности и работает для предотвращения кибератак в будущем, хотя это практически нереальная задача.

Кодирование выступлений президентов по наличию вымышленного нарратива осуществлялось с помощью поиска элементов таких нарративов. По определению Miko и Miller, самым значимым вымышленным нарративом является миф о защите жертв, «а самые вероятные жертвы – это дети, бере-

менные женщины и старики; эти группы вызывают наибольшее сочувствие» [13, р. 7]. Использование вымышленного нарратива в речах президентов определялось и по тому, что общество чувствует необходимость «что-то сделать» с киберпреступностью, чтобы спасти людей, а президент предлагает решение, способное, как кажется, достичь этой цели.

Например, очевидно использование вымышленного нарратива в заявлении президента Клинтона 28 декабря 1999 г.

«Сайты продаж через Интернет предоставили потребителям новые возможности для получения необходимых лекарств, иногда по более доступной цене. Однако этот сектор еще только зарождается, и *недобросовестные предприниматели представляют угрозу для здоровья американцев*. Сегодня мы вносим предложение, которое послужит сигналом, что мы не допустим существования интернет-сайтов по продаже лекарств в обход федеральных и местных законов, которые подвергают опасности здоровье пациента. Распространение лекарств через Интернет без рецептов и лицензий необходимо остановить».

Это пример вымышленного нарратива, так как подразумевается, что продажа лекарств через Интернет представляет непосредственную угрозу жизням американцев, а все, что нужно сделать, – это потребовать соответствующую документацию. В данном случае это неверно, но возникает сочетание мифа «Америка в опасности» и идеи о том, что продажи лекарств следует ограничить. Начинает казаться, что проблема понятна и создан контекст для ее решения.

Аналогичным образом, моральная обеспокоенность использует тревогу общественности по поводу того, что какое-либо явление, человек или группа людей представляет угрозу обществу и его ценностям. Понятие моральной обеспокоенности было выдвинуто Cohen [7]; в настоящее время его связывают с критериями, предложенными в работах Goode и Ben-Yehuda [78] и Thierer [5]. В соответствии с этими критериями моральная обеспокоенность складывается из пяти элементов: тревоги, враждебности, согласия, непропорциональности и неустойчивости. При возникновении моральной обеспокоенности появляется непропорциональный страх, что люди находятся под угрозой или пострадают от каких-либо значительных последствий. В своем выступлении от 2 мая 2000 г. президент Клинтон использовал чувство моральной обеспокоенности. Он заявил: «Вы станете

свидетелями распространения совместной деятельности наркокартелей, организованной преступности, контрабандистов оружия, террористов. Интернет облегчит им эту задачу» [79].

Страх людей перед терроризмом, организованной преступностью и наркокартелями на американской земле был усугублен утверждением президента Клинтона о том, что Интернет усиливает угрозу для американских граждан. Явление моральной обеспокоенности анализировалось в связи с такими общеизвестными «страшилками», как «террористы» или «преступные группировки» неизвестного происхождения, угрожающие Соединенным Штатам, и терроризм в целом [80]. Интересно отметить, что в этом случае угроза в определенной степени оказалась реальной, но тем не менее это пример использования моральной обеспокоенности в целях продвижения политики президента.

Второй этап анализа состоял в более глубоком исследовании выступлений президентов по поводу киберпреступности. В центре внимания оказались два элемента демонстрации контроля над преступностью: моральная обеспокоенность и вымышленный нарратив. Были выбраны два аспекта: детская порнография/сексуальное преследование и кибертерроризм, поскольку эти темы наиболее часто обсуждались президентами. Объектом анализа на втором этапе был сам язык, использовавшийся в выступлениях президентов на тему киберпреступности при контекстуализации вымышленных нарративов и моральной обеспокоенности.

Все выступления кодировались двумя исследователями по отдельности; в случае разногласий проводилось обсуждение и выбирался один вариант. В табл. 1 показано количество выступлений президентов по темам.

Таблица 1

Выступления президентов по темам*
Table 1. Presidential Speeches by Topic*

Тема / Topic	Клинтон / Clinton	Буш / Bush	Обама / Obama	Всего / Total
Кибертерроризм / Cyberterrorism	15	23	7	45
Кибербезопасность в целом / General Cybersecurity	5	21	51	77
Детская порнография / Children & Pornography	8	13	0	21
Доступность оружия, изготовление взрывчатки / Weapons Availability & Bomb Making	28	0	3	31

Марион Н., Хилл Дж. Б. Президентская риторика демонстрации контроля над преступностью (на примере киберпреступности)
Marion N., Hill J. B. Presidential rhetoric as crime control theater: the case of cybercrime

Окончание табл. 1

Тема / Topic	Клинтон / Clinton	Буш / Bush	Обама / Obama	Всего / Total
Защита критически важной инфраструктуры и ключевых ресурсов / CIKR Protection	7	8	10	25
Киберпреступность, кража персональных данных, мошенничество / Cybercrime, Identity Theft, & Fraud	31	22	25	78
Кибератаки в целом / General Cyberattacks	3	11	14	28
Киберугрозы / Cyberthreats	2	0	18	20
Другое / Other	10	7	38	55

* Источник: составлено авторами.

* Source: compiled by the authors.

Результаты

Общие тенденции

Данные об использовании моральной обеспокоенности и вымышленных нарративов в выступлениях президентов на тему киберпреступности позволяют сделать очень наглядные выводы. Во-первых, анализ показывает, что около половины всех выступлений президентов на тему киберпреступности содержат либо вымышленные нарративы, либо упоминания о моральной обеспокоенности ($n = 178$, $n = 168$), как показано в табл. 2.

Таблица 2

Демонстрация контроля над преступностью*
в выступлениях президентов на тему киберпреступности*

Table 2. CCT in Presidential Speeches on Cybercrime

Элемент / Element	Кол-во выступлений, n / Number of speeches	% всех выступлений / % Total of Speeches
Вымышленные нарративы / Mythic Narrative	15	23
Моральная обеспокоенность / Moral Panic	5	21

* Источник: составлено авторами.

* Source: compiled by the authors.

Это означает, что президенты регулярно используют элементы демонстрации контроля над преступностью в своих выступлениях на тему киберпреступности. Хотя все три президента использовали элементы демонстрации контроля над преступностью примерно в половине всех выступлений. Распределение между этими элементами у президентов различно, как показано в табл. 3.

Таблица 3

Элементы демонстрации контроля над преступностью
в выступлениях президентов*

Table 3. Elements of CCT by President*

Президент / President	Вымышленные нарративы / Mythic Narrative		Моральная обеспокоенность / Moral Panic	
	n	%	n	%
Клинтон / Clinton	59	54,1	41	37,6
Буш / Bush	42	44,7	43	41
Обама / Obama	77	48,4	84	50,6

* Источник: составлено авторами.

* Source: compiled by the authors.

Показательна настойчивость, с которой президенты используют вымышленные нарративы и моральную обеспокоенность для обоснования своей позиции по вопросу киберпреступности. У всех троих процент речей на тему киберпреступности, использующих моральную обеспокоенность, был примерно одинаков, хотя абсолютные показатели сильно отличаются. Это происходит потому, что Обама произносил гораздо больше речей, чем Клинтон или Буш. Однако для отдельных элементов демонстрации контроля над преступностью ситуация различна. Так, Клинтон чаще использовал вымышленные нарративы, чем моральную обеспокоенность. Обама, напротив, больше подчеркивал моральную обеспокоенность при обсуждении проблемы киберпреступности, а Буш прибегал к обоим элементам в равной степени.

Хотя анализ элементов демонстрации контроля над преступностью по отдельности представляет интерес для исследователя, однако для цели нашего исследования необходимо показать, что президенты используют эти элементы в связке. Это становится очевидным при анализе соотношения между выступлениями с вымышленными нарративами и выступлениями, использующими моральную обеспокоенность. Как видно из табл. 4, президенты использовали вымышленные нарративы примерно в 75 % речей, содержащих моральную обеспокоенность.

Это не только доказывает статистически значимую корреляцию между двумя изучаемыми элементами демонстрации контроля над преступностью ($r = 0,522$, $p < 0,000$), но и заставляет предположить, что президенты рассматривают эти элементы как взаимосвязанные. В целом взаимосвязь между исполь-

зованием вымышленных нарративов и моральной обеспокоенностью с целью демонстрации контроля над преступностью в выступлениях президентов на тему киберпреступности представляется достаточно сильной.

тенденция, что они делают это, выступая с более длинной речью на одну тему, а также используют элементы демонстрации контроля над преступностью в связке, а не по отдельности. В следующем разделе рассматриваются конкретные примеры использования элементов демонстрации контроля над преступностью в сфере киберпреступности.

Таблица 4

Комбинационная таблица элементов демонстрации контроля над преступностью*

Table 4. Cross tabulation of Elements of Crime Control Theater*

Вымышленные нарративы / Mythic narrative	Моральная обеспокоенность / Moral panic								
	Отсутствие / Absence			Наличие / Presence			Всего / Total		
	Кол-во / Count	% среди выст. с вымышл. нарр. / % within Mythic Narrative	% среди выст. с мор. обесп. / % within Moral Panic	Кол-во / Count	% среди выст. с вымышл. нарр. / % within Mythic Narrative	% среди выст. с мор. обесп. / % within Moral Panic	Кол-во / Count	% среди выст. с вымышл. нарр. / % within Mythic Narrative	% среди выст. с мор. обесп. / % within Moral Panic
Отсутствие / Absence	166	82,2	78,3	36	17,8	21,4	202	100	53,2
Наличие / Presence	46	25,8	21,7	132	74,2	78,6	178	100	46,8
Всего / Total	212	55,8	100	168	44,2	100	380	100	100

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Следует отметить еще один аспект полученных данных. Демонстрация контроля над преступностью имеет место примерно в половине всех речей на тему киберпреступности, однако этот показатель тесно связан с продолжительностью речи. А именно если в речи уделяется мало внимания киберпреступности (по количеству слов), то меньше вероятности, что она будет содержать элементы демонстрации контроля над преступностью. Другими словами, если киберпреступность была лишь дополнительной темой выступления президента, то она с меньшей вероятностью служила демонстрацией контроля над преступностью. И наоборот, если речь была в большей степени посвящена киберпреступности, то демонстрация контроля над преступностью проявлялась более явно.

В целом это означает, что, выступая на тему киберпреступности, президенты прибегают к демонстрации контроля над преступностью. Прослеживается

Моральная обеспокоенность и вымышленные нарративы в сферах киберпорнографии и кибертерроризма

Вышеприведенные результаты показательны в плане демонстрации контроля над преступностью, но они не дают представления о том, как именно президенты используют элементы демонстрации контроля над преступностью в своих выступлениях на тему киберпреступности. Вторая часть нашего анализа исследует этот вопрос на примере двух элементов демонстрации контроля над преступностью в политических выступлениях на тему киберпреступности. Эти элементы – моральная обеспокоенность и вымышленные нарративы.

Использование моральной обеспокоенности

Страх является чрезвычайно значимой мотивирующей силой. Страхи часто обсуждаются в Интернете и могут вызвать широкомасштабные явления моральной обеспокоенности или «технопаник», а также иные проявления нерациональных страхов [5]. Интересно, что все три президента использовали элементы моральной обеспокоенности, а также намеренно усиливали ее в обществе своими выступлениями на тему киберпреступности.

Возможно, самыми яркими примерами использования моральной обеспокоенности в речах президентов на тему киберпреступности являются выступления по поводу киберпорнографии и сексуального преследования детей в Сети. Например, 23 октября 2002 г. президент Буш выступил с речью, в которой сказал:

«"Секс-хищники" используют Интернет для распространения детской порнографии и непристойностей. Они используют Интернет для вовлечения в сексуально откровенные разговоры. С помощью Интернета они выманивают детей из безопасных домов в мир греха. Каждый день миллионы детей выходят в Интернет, и каждый день все больше мы узнаем о том, как он наполняется злом мира» [81].

Марион Н., Хилл Дж. В. Президентская риторика демонстрации контроля над преступностью (на примере киберпреступности)
Marion N., Hill J. B. Presidential rhetoric as crime control theater: the case of cybercrime

К тому моменту, когда президент Буш выступил с этим заявлением, проблемы сексуального преследования детей и детской порнографии в Сети уже были предметом если не моральной обеспокоенности, то во всяком случае всеобщей тревоги. Фактически вопросы доступности порнографии для детей посредством Сети начали вызывать тревогу почти за десять лет до этого момента. Эти вопросы предвосхищали проблемы сексуального преследования детей и детской порнографии. Так, в 1995 г. журнал Time опубликовал статью под заголовком «Киберпорно: новое исследование показало, насколько распространенным и жестоким оно является. Можем ли мы защитить наших детей – и свободу слова?». К 1997 г. эта тема достигла повестки дня президента, и Билл Клинтон произнес речь «Заметки о мерах, которые сделают Интернет более подходящим для семьи».

Американцы глубоко озабочены криминальной деятельностью в Интернете, а распространение детской порнографии принадлежит к их самым сильным страхам. Согласно опросу американских граждан в 2001 г., 92 % из них были встревожены распространением детской порнографии в Интернете, а 50 % назвали детскую порнографию самым ужасным преступлением, имеющим место в Сети [82]. Поскольку защита подрастающего поколения является типичным мотивирующим фактором, интенсивность моральной обеспокоенности в этом случае превышает традиционное обоснование необходимости контроля информации – обоснование «это во благо детей». Общество может ощущать распространение угрозы на другие сегменты общества или на другие ценности, например, угрозу частной жизни или безопасности [83].

В научной литературе тревога по поводу киберпорнографии однозначно определяется как один из аспектов моральной обеспокоенности, хотя фокус этой обеспокоенности выходит за пределы распространения незаконных изображений как таковых: «Как и в случае с иными проявлениями современной мифологии, городская мифология, строящаяся вокруг моральной обеспокоенности киберпорнографией, направлена на усиление образа “правильного воспитания” в современном мире. Киберпорнография представляет собой новейшую угрозу в длинной череде угроз по отношению к детской невинности» [84, р. 46].

В выступлении от 12 января 2015 г. президент Обама подчеркнул этот более широкий взгляд на про-

блему воспитания, сказав: «Мы хотим быть уверены, что наши дети в порядке и в безопасности в Сети. Это наша обязанность как родителей. Но нам нужна помощь. Нам нужна структура, которая гарантирует, что информация не будет собираться без ведома детей или нас как родителей» [85].

В этом выступлении президента Обамы особенно интересно то, что он увязывает моральную обеспокоенность по поводу детской порнографии с другой проблемой, также вызывающей моральную обеспокоенность: угрозой частной жизни. Так, в той же речи президент Обама заявил: «Чем больше мы делаем для защиты информации о частной жизни и потреблении, тем сложнее хакерам нанести ущерб нашему бизнесу и экономике. Таким образом, чем больше компании усиливают свою киберзащиту, тем сложнее хакерам украсть информацию о потребителях и навредить семьям американцев» [85].

Согласно опросу американских граждан в 2001 г., 87 % американцев опасались кражи данных с кредитных карт в Сети, 82 % опасались, что организованные группировки могут совершить террористические акты с помощью средств Интернета, 80 % боялись, что через Интернет можно осуществить широкомасштабное мошенничество, 78 % – что хакеры могут взломать правительственные компьютерные сети, 76 % – что хакеры могут взломать компьютерные сети компаний, 70 % беспокоились о запускаемых преступниками или шутниками компьютерных вирусах, которые могут изменить или стереть личные файлы, а 62 % респондентов заявили, что необходимо принять новые законы специально для защиты данных из электронной почты или информации об активности в Сети [82]. Упоминание хакеров и других неопределенных, но возмутительных «популярных страшилок» еще раз подтверждают, что сохранение тайны частной жизни становится значимой проблемой для общественности, что проявляется в форме моральной обеспокоенности.

Наряду с детской порнографией и сексуальным преследованием детей в Сети, кибертерроризм также может рассматриваться как предмет моральной обеспокоенности [86]. По словам Wall [69], общественное восприятие киберпреступности в целом было сформировано средствами массовой информации, которые изображали это явление как нечто пугающее и крайне криминальное. В частности, это проявлялось в жанре социальной фантастики, например, в таких фильмах,

как «Хакеры». Подобное восприятие подчеркивалось в выступлениях президентов с помощью соположения кибертерроризма и других «пугающих» социальных проблем, таких как оружие массового поражения. Таким образом, президент использует чувство страха, чтобы показать, что предпринимает шаги против кибертерроризма.

Хорошим примером является речь президента Буша, адресованная Всемирному банку в 2001 г., но до событий 11 сентября. Он сказал:

«Это требует нового стратегического подхода, который должен отойти от доктрин холодной войны и отвечать на угрозы нового века, такие как кибертерроризм, оружие массового поражения, ракеты в руках тех, для кого террор и шантаж являются стилем жизни. Эти угрозы потенциально способны разрушить свободу и прогресс, и мы этого не допустим» [87].

Приведенные примеры касаются лишь двух аспектов киберпреступности, однако они иллюстрируют, как президенты используют моральную обеспокоенность, говоря на данную тему. Вне контекста детской порнографии/сексуального преследования и кибертерроризма интерес представляет повышенное внимание к технопанике. Часто создается впечатление, что президенты используют низкий уровень знаний населения [70] с целью вызвать страх перед конкретным видом киберпреступлений, например, перед угрозой частной жизни.

Следует упомянуть еще один элемент использования моральной обеспокоенности в речах президентов. Моральная обеспокоенность не только используется президентами для продвижения своих политических целей или демонстрации контроля над преступностью; выступления президентов могут и сами способствовать развитию моральной обеспокоенности [29]. Таким образом, президенты могут не только использовать существующую моральную обеспокоенность или технопанику, но и в некоторых случаях целенаправленно создавать их.

Использование вымышленных нарративов

Как уже упоминалось в разделе общего анализа, использование моральной обеспокоенности может сочетаться с использованием вымышленных нарративов. Это было показано и в некоторых примерах из предыдущего раздела. Вымышленные нарративы, как и моральная обеспокоенность, часто возникают

в отношении детской порнографии. Так, говоря об опасности развития детской порнографии в 1997 г., президент Клинтон отметил:

«Мы должны признать, что в конечном итоге ответственность за безопасность наших детей лежит на родителях. Новейшие технологии и уголовное преследование не могут заменить ответственных родителей. Мамы и папы должны обязательно быть рядом со своими детьми и вместе узнать о возможностях и опасностях Интернета» [83].

В этой речи президент Клинтон использует вымышленный нарратив, когда говорит родителям, что для защиты своих детей от сексуального преследования в Сети они должны пристальнее следить за тем и участвовать в том, чем их дети заняты в Интернете. Другими словами, родители могут защитить своих детей, просто сидя рядом с ними и участвуя. Это совпадает с более широкой культурной картиной того, как американцы воспринимают важность воспитания детей. И снова необходимо отметить очевидное присутствие элементов моральной обеспокоенности. Действительно, моральная обеспокоенность по поводу детской порнографии связана с возникновением вымышленного нарратива, направленного на усиление образа «правильного воспитания» в современном мире [84].

Несмотря на значительное различие между такими темами, как детская порнография/эксплуатация и кибертерроризм, подходы президентов к этим темам во многом схожи в том, как они используют вымышленные нарративы и моральную обеспокоенность для мотивировки. Вот один из ярких примеров использования вымышленных нарративов в речи президента Обамы:

«Киберпространство – это своего рода Дикий Запад. От нас требуется стать чем-то вроде шерифа. Когда случается такой скандал, как с компанией Sony, люди хотят знать, может ли правительство сделать что-то. Если террористы обмениваются информацией в киберпространстве и происходит теракт, люди хотят знать, можно ли предотвратить это. По необходимости правительство должно иметь собственные возможности в киберпространстве. Но тогда граждане имеют право спросить: а где гарантии, что правительство не станет вмешиваться в частную жизнь? Это сложный вопрос, и на него нет ответа, потому что развитие технологий часто опережает принятие любых правил, структур и стандартов, а значит, правительство всегда должно оставаться открытым для критики, и мы должны быть готовы обсуждать это» [88].

Сравнение Интернета с Диким Западом – это, возможно, пример самого прямолинейного использования вымышленного нарратива в президентском выступлении на тему киберпреступности (наряду с рефреном президента Буша о «нашем образе жизни»). Непосредственно опираясь на культурное представление о неуправляемом Диком Западе, президент предлагает образы беззакония и насилия, требующих вмешательства правительства, о чем он говорит как о решении проблемы. Интересно также отметить риторический прием отсылки к моральной обеспокоенности по поводу тайны частной жизни, о чем мы упоминали выше, хотя в этом случае президент вынужден отклонить эту моральную обеспокоенность, признав, что правительство может потенциально стать нарушителем этой тайны.

Вовлечение сообщества в борьбу с «плохими парнями» (такими как кибертеррористы) может быть способом включить слушателей в пространство вымышленного нарратива. Людям дается возможность стать героями и спасти свое сообщество. Гражданам «предлагается шанс почувствовать себя героем, спасающим своих сограждан в этом мире технологий. Это кульминация универсальной формы вымышленного нарратива с участием героев» [89, р. 416]. Аналогичная форма вовлечения используется президентами в отношении проблем киберпреступности.

Это можно видеть на примере проблемы детской порнографии. В речи, озаглавленной «Заметки о безопасности детей в Сети», президент Буш отметил:

«"Секс-хищники" используют Интернет для распространения детской порнографии и непристойностей. Они используют Интернет для вовлечения в сексуально откровенные разговоры. С помощью Интернета они выманивают детей из безопасных домов в мир греха. Каждый день миллионы детей выходят в Интернет, и каждый день все больше мы узнаем о том, как он наполняется злом мира... Мы не можем позволить, чтобы это происходило с нашими детьми. Основную ответственность за защиту детей в Америке несут их родители. Вы ответственны за благополучие ваших детей. Это ваша ответственность... Существует несколько практических мер, с помощью которых родители могут защитить своих детей от преследования в Сети. В первую очередь уделяйте внимание своим детям. Если вы любите своих детей, уделяйте им внимание. Знайте, чем они заняты» [81].

Это выступление также является примером соотнесенности моральной обеспокоенности и вымышленного нарратива. При этом использование вымышленного

нарратива очевидно: дети в опасности, и вы можете помочь, просто уделяя им внимание и зная, чем они заняты. Этот тезис, опираясь на элементы образа «правильного воспитания» на фоне моральной обеспокоенности, как было показано ранее, также является попыткой вовлечь граждан в пространство вымышленного нарратива в качестве борцов с преступностью. Этот результат нашего исследования аналогичен результату исследования Griffin и Miller's [10] относительно системы Amber Alert, в которой граждане могли участвовать в поимке похитителей детей.

Обсуждение

«Демонстрация контроля над преступностью – это меры, создающие впечатление борьбы с преступностью, но не дающие реального эффекта» [10, р. 160]. Коротко говоря, это социально сконструированные «решения» проблем, которые, возможно, существуют только в общественном сознании. Проведенный анализ показывает, что президенты используют методы демонстрации контроля над преступностью в отношении киберпреступности; в частности, их риторика содержит регулярные обращения как к вымышленным нарративам, так и к проблемам, вызывающим моральную обеспокоенность.

Использование этих элементов в выступлениях президентов на тему киберпреступности интересно по нескольким причинам. Во-первых, показателен тот факт, что подавляющее большинство речей, использующих моральную обеспокоенность, содержат также вымышленные нарративы. В большинстве случаев вымышленные нарративы, к которым обращались президенты, являлись компонентом моральной обеспокоенности. Это наиболее очевидно в случае детской порнографии, но и при обращении к другим темам, например, к теме кибертерроризма, президенты также использовали эту комбинацию.

Другой интересный результат – объединение темы киберпреступности с другими темами, при этом выступления, посвященные исключительно киберпреступности, были короткими. Часто киберпреступность упоминалась в выступлениях, посвященных национальной безопасности и охране интеллектуальной собственности. Это может быть показателем того, что президенты хотели бы дать более полное представление о проблеме киберпреступности. В недавнем исследовании было показано, что президенты

иногда объединяют две проблемы, чтобы повлиять на общественное мнение по поводу одной из них и получить более активную поддержку своим мерам [90]. Например, президент обсуждает относительно новую проблему вместе с той, которая уже воспринимается общественным мнением как значимая. Таким образом, президент дает понять, что новая тема так же важна, как и предыдущая, и в этой сфере также необходимо принимать меры. Так, в исследовании Caveltu [91] было показано, что президенты склонны объединять тему киберпреступлений, совершенных против отдельных граждан и корпораций, с проблемами национальной и даже международной безопасности [91, 92]. Тем самым президенты увязывали недавно возникшую проблему киберпреступности с давно существующими проблемами национальной или международной безопасности.

Кроме того, некоторые проблемы развиваются более динамично, чем другие. Такие темы, как война и терроризм, вероятно, получают больше внимания со стороны средств массовой информации (хотя и не всегда), чем проблемы кражи персональных данных или порнография в Сети. Президент может объединить менее динамичную проблему, например, киберпреступность, с проблемой, вызывающей более живой интерес, такой как терроризм, тем самым привлекая к первой больше внимания и получая возможность более эффективно влиять на общественное мнение. В этом случае, используя вымышленные нарративы, президент может повысить заинтересованность в предлагаемых мерах, независимо от их вероятной эффективности.

Хотя наш анализ непосредственно посвящен только двум элементам демонстрации контроля над преступностью, есть основания полагать, что в выступлениях президентов содержатся и другие элементы. Во-первых, по крайней мере в том, что касается детской порнографии и эксплуатации, президенты фокусируются исключительно на способе *передачи* контента или эксплуатации – а именно с помощью Интернета. Это прямая реакция на восприятие публикой Интернета как криминогенного феномена [69], хотя это и не имеет достаточного подтверждения [70]. Кроме того, при фокусировке на способе передачи информации игнорируется тот факт, что большинство преступлений совершается вне интернет-пространства [93]. Другими словами, меры, предлагаемые президентами для борь-

бы с детской порнографией или виктимизацией детей, не могут быть эффективными. Аналогичным образом президенты часто говорят о поддержке предлагаемых ими мер со стороны общества или обеих партий. Тем самым они дают понять, что против предлагаемых мер никто не возражает, а это еще один элемент демонстрации контроля над преступностью [10]. К сожалению, более подробная оценка этих элементов выходит за пределы задачи данного исследования.

В целом, однако, можно считать доказанным, что президенты используют тему киберпреступности для демонстрации контроля над преступностью. В качестве мотивировки выступлений на тему киберпреступности часто выступает моральная обеспокоенность, в речи часто включаются вымышленные нарративы. Кроме того, есть основания полагать, что в выступлениях президентов содержатся и другие элементы демонстрации контроля над преступностью.

В аспекте киберпреступности демонстрация контроля над преступностью порождает риски. Среди них: ложные заявления об успехах (политики могут заявлять об успехах при отсутствии таковых, тем самым общество остается в неведении относительно реального положения дел в области преступности и ее профилактики); отрицательные эффекты (которые могут суммироваться и вызывать значительные проблемы); пониженная реакция общества (отсутствие общественного обсуждения и выработки рациональных мер, перенос внимания от реальных к вымышленным угрозам [9]). Эти риски могут быть особенно значительны в аспекте киберпреступности из-за ее связи с более общими проблемами национальной безопасности, а также из-за активного использования политиками порождаемого ею страха в обществе.

Заключение

Хотя данное исследование в целом подтвердило выдвинутую гипотезу об использовании президентами методов демонстрации контроля над преступностью в отношении киберпреступности, оно имеет ряд ограничений. Во-первых, хотя президенты часто говорят о киберпреступности, в большинстве случаев эта тема была второстепенной на фоне основной темы выступления, такой как национальная безопасность или терроризм. В определенном смысле этот факт подтверждает выводы проведенного анализа, однако накладывает ограничения, так как относительно немно-

го речей были посвящены *только* киберпреступности. Кроме того, учитывая, что киберпреступность возникла недавно и только три президента имели возможность высказываться об этой проблеме, наше исследование неизбежно ограничено в объеме. Отсюда также следует, что можно исследовать выступления других лидеров на предмет использования методов демонстрации контроля над преступностью в аспекте киберпреступности.

В целом президенты имеют все основания прибегать к методам демонстрации контроля над преступностью в отношении проблемы киберпреступности, и они действительно делают это. Используя моральную обеспокоенность и вымышленные нарративы, президенты могут добиться поддержки тех мер, эффективность которых вызывает сомнения. Кроме того, возможно, что увязывая проблему киберпреступности с другими насущными мерами, президенты получают для них более выраженную поддержку.

Хотя проведенный анализ подтверждает использование методов демонстрации контроля над пре-

ступностью, по крайней мере в отношении киберпреступности, ряд существенных вопросов остается нерешенным. Поскольку проблема киберпреступности является новой областью деятельности для исполнительной власти, необходимы более долгосрочные исследования реакции президентов на киберпреступность и другие смежные проблемы как на уровне риторики, так и на уровне конкретных действий. Кроме того, можно проверить реакцию президентов на моральную обеспокоенность, не относящуюся к киберпреступности, на предмет использования методов демонстрации контроля над преступностью. И наконец, остается открытым вопрос о других участниках политического процесса на федеральном уровне. Использует ли Конгресс методы демонстрации контроля над преступностью на уровне риторики или на уровне принятия мер? Для ответов на эти вопросы потребуются дополнительные исследования, которые могут пролить свет на роль демонстрации контроля над преступностью и ее влияние на уголовное правосудие.

Список литературы / References

1. Berfield S. From cyber crime to Canada, Target had a very bad year, *Businessweek*, 2014, available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-02-26/from-cyber-crime-to-canada-target-had-a-very-bad-year>
2. Sanger D. E., Perlroth N. US said to find North Korea ordered cyberattack on Sony, *New York Times*, 2014, available at: http://www.nytimes.com/2014/12/18/world/asia/us-links-north-korea-to-sony-hacking.html?_r=0
3. Reuters. Four million current, former federal employees affected by cyber attack, *Newsweek*, 2015, available at: <http://www.newsweek.com/four-million-current-former-federal-employees-affected-cyber-attack-339694>
4. Perlroth N., Scott M., Frenkel S. Cyberattack hits Ukraine then spreads internationally, *New York Times*, June 27, 2017, available at: <https://www.nytimes.com/2017/06/27/technology/ransomware-hackers.html>
5. Thierer A. Technopanics, threat inflation, and the danger of an information technology precautionary principle, *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*, 2013, No. 14, pp. 309–440. DOI: 10.2139/ssrn.2012494
6. Waddington P. A. J. Mugging as moral panic: A question of proportion, *British Journal of Sociology*, 1986, Vol. 37, No. 2, pp. 245–259. DOI: 10.2307/590356
7. Cohen S. *Folk devils and moral panics: The creation of the mods and rockers*, London, England, 1972.
8. Thierer A. The six things that drive 'technopanics', *Forbes*, 2012, March 12, available at: <https://www.forbes.com/sites/adamthierer/2012/03/04/the-six-things-that-drive-technopanics/#60c590bf70b0>
9. Hammond M., Miller M. K., Griffin T. Safe haven laws as crime control theater, *Child Abuse and Neglect*, 2010, Vol. 34, No. 7, pp. 545–552. DOI: 10.1016/j.chiabu.2009.11.006
10. Griffin T., Miller M. K. Child abduction, AMBER Alert and "crime control theater", *Criminal Justice Review*, 2008, Vol. 33, No. 2, pp. 159–176. DOI: 10.1177/0734016808316778
11. Sicafuse L. L., Miller M. K. Social psychological influences on the popularity of Amber Alerts, *Criminal Justice and Behavior*, 2010, Vol. 37, No. 11, pp. 1237–1254. DOI: 10.1177/0093854810379618
12. Sicafuse L. L., Miller M. K. The effects of information processing and message quality on attitudes toward the Amber Alert system, *Applied Psychology in Criminal Justice*, 2012, Vol. 8, No. 2, pp. 69–86.
13. Miko A., Miller M. K. Mandatory influenza vaccinations: An example of health promotion theater, *Global Health Governance*, 2010, Vol. 1, No. 6, pp. 1–15. DOI: 10.2165/00128413-200615390-00004
14. Hunt A. 'Moral panic' and moral language in the media, *British Journal of Sociology*, 1997, Vol. 48, No. 4, pp. 629–648. DOI: 10.2307/591600

15. Sindall R. *Street violence in the nineteenth century: Media panic or real danger?*, Leicester, England: Leicester University Press, 1990.
16. Sacco V. F. Media constructions of crime, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1995, Vol. 539, No. 1, pp. 141–154. DOI: 10.1177/0002716295539001011
17. Innes M. Reinventing tradition? Reassurance, neighborhood security and policing, *Criminal Justice*, 2004, Vol. 4, No. 2, pp. 151–171. DOI: 10.1177/1466802504044914
18. Edelman M. *The symbolic uses of politics*, Urbana, University of Illinois Press, 1964.
19. Marion N. E., Oliver W. M. Congress, crime, and budgetary Responsiveness, *Criminal Justice Policy Review*, 2009, Vol. 20, No. 2, pp. 115–135. DOI: 10.1177/0887403408320521
20. Oliver W. M., Marion N., Hill J. B. Not all crime policies are created equal: Presidential speeches and symbolic rhetoric by crime policy types, *Criminal Justice Policy Review*, 2014, Vol. 27, No. 4, pp. 331–347. DOI: 10.1177/0887403414549208
21. Marion N. E. Symbolic policies in Clinton's crime control agenda, *Buffalo Criminal Law Review*, 1997, Vol. 1, pp. 67–108. DOI: 10.1525/nclr.1997.1.1.67
22. Marion N. E., Oliver W. M. Crime control in the 2008 presidential election: Symbolic or tangible policies?, *American Journal of Criminal Justice*, 2011, Vol. 37, No. 1, pp. 111–125. DOI: 10.1007/s12103-010-9084-0
23. Stolz B. A. Interpreting the U.S. human trafficking debate through the lens of symbolic politics, *Law and Policy*, 2007, Vol. 29, No. 3, pp. 311–338. DOI: 10.1111/j.1467-9930.2007.00257
24. Elder C. D., Cobb R. G. *Political uses of symbols*, New York, NY: Longman Press, 1983.
25. Stolz B. A. Congress and capital punishment, *Law and Policy Quarterly*, 1983, Vol. 5, pp. 157–180. DOI: 10.1111/j.1467-9930.1983.tb00294
26. Anderson J. E. *Public policymaking: An introduction*, Boston, MA, Houghton Mifflin, 1990.
27. Marion N. E. Symbolism and federal crime control legislation: 1960–1990, *Journal of Crime and Justice*, 1994, Vol. 17, No. 2, pp. 69–91. DOI: 10.1080/0735648X.1994.9721515
28. Bottici C. Mythic narrative, *Encyclopedia of political theory*, ed. Bevir M. Thousand Oaks, CA, SAGE, 2010, pp. 915–916.
29. Hawdon J. E. The role of presidential rhetoric in the creation of a moral panic: Reagan, Bush, and the war on drugs, *Deviant Behavior: An Interdisciplinary Journal*, 2001, Vol. 22, No. 5, pp. 419–445. DOI: 10.1080/01639620152472813
30. Miller M. K., S. C. S. Improving the AMBER Alert system: Psychology research and policy recommendations, *Law and Psychology Review*, 2006, Vol. 30, pp. 2–21.
31. Miller M. K., Griffin S. S., Clinkenbeard R. M., Thomas. The psychology of Amber Alert: Unresolved issues and implications, *The Social Science Journal*, 2009, Vol. 46, No. 1, pp. 111–123. DOI: 10.1016/j.soscij.2008.12.004
32. Calder J. D. *The origins and development of federal crime control policy: Herbert Hoover's initiatives*, Westport, CT, Praeger, 1993.
33. Marion N. E. *A history of federal crime control initiatives, 1960–1993*, Westport, CT, Praeger, 1994.
34. Beckett K., Sassen T. *The politics of injustice: Crime and punishment in America*, Thousand Oaks, CA, Pine Forge Press, 2000.
35. Caplan G. Reflections on the nationalization of crime, 1964–1968, *Law and the Social Order*, 1973, pp. 583–635.
36. Cronin T. E., Cronin T. Z., Milakovich M. E. *U.S. v. crime in the streets*, Bloomington, Indiana University Press, 1981.
37. Finckenauer J. O. Crime as a national political issue, 1964–1976, *Crime & Delinquency*, 1978, Vol. 24, No. 1, pp. 13–27. DOI: 10.1177/001112877802400102
38. Scheingold S. A. *The politics of street crime: Criminal process and cultural obsession*, Philadelphia, PA, Temple University Press, 1991.
39. Scheingold S. A. Politics, public policy, and street crime, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1995, Vol. 539, pp. 155–168. DOI: 10.1177/0002716295539001012
40. Oliver W. M. Presidential rhetoric on crime and public opinion, *Criminal Justice Review*, 1998, Vol. 23, No. 2, pp. 139–160. DOI: 10.1177/073401689802300202
41. Oliver W. M. *The law & order presidency*, Upper Saddle River, NJ, Prentice Hall, 2003.
42. Fairchild E. S., Webb V. J. *The politics of crime and criminal justice*, Beverly Hills, CA, Sage, 1985.
43. Jacob H., Lineberry R. L., Heinz A. M., Beecher J. A., Moran J., Swank D. H. *Governmental responses to crime: Crime on urban agendas*, Washington, D.C., U.S. Department of Justice, National Institute of Justice, 1982.
44. Lempert M., Silverstein M. *Creatures of politics: Media, message and the American presidency*, Bloomington, Indiana University Press, 2012.
45. Oliver W. M. Executive orders: Symbolic politics, criminal justice policy and the American presidency, *American Journal of Criminal Justice*, 2001, Vol. 26, No. 1, pp. 1–21. DOI: 10.1007/BF02886854
46. Caldeira G. A. Elections and the politics of crime: Budgetary choices and priorities in America, *The political science of criminal justice*, ed. Nagel S. et al., Springfield, IL, Charles C. Thomas, 1983, pp. 238–252.

47. Caldeira G. A., Cowart A. T. Budgets, institutions, and change: Criminal justice policy in America, *American Journal of Political Science*, 1980, Vol. 24, No. 3, pp. 413–438. DOI: 10.1177/0887403406292687
48. Oliver W. M., Marion N. E. "Budgets, institutions, and change: Criminal justice policy in America" revisited, *Criminal Justice Policy Review*, 2006, Vol. 17, No. 4, pp. 451–467. DOI: 10.1177/0887403406292687
49. Oliver W. M., Marion N. E. Congress, crime, and budgetary responsiveness: A study in symbolic politics, *Criminal Justice Policy Review*, 2009, Vol. 20, No. 2, pp. 115–135. DOI: 10.1177/0887403408320521
50. Perloff R. *Political communication*, Mahwah, NJ, Lawrence Earlbaum, 1998.
51. Cohen J. E. *Presidential responsiveness and public policy making: The public and the policies that presidents choose*, Ann Arbor, MI, University of Michigan Press, 1997.
52. Light P. C. *The president's agenda*, Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press, 1999.
53. Hill J. B., Oliver W. M., Marion N. E. "Shaping history" or "riding the wave"?: President Bush's influence on the public opinion of terrorism, homeland security and crime, *Journal of Criminal Justice*, 2010, Vol. 38, No. 5, pp. 896–902. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2010.06.005
54. Cohen J. E. Presidential rhetoric and the public agenda, *American Journal of Political Science*, 1995, Vol. 39, No. 1, pp. 87–107. DOI: 10.2307/2111759
55. Denton R. F., Jr., Hahn D. F. *Presidential communication*, New York, NY, Praeger, 1986.
56. Oliver W. M., Marion N., Hill J. B. Presidential politics and the problem of drugs in America: Assessing the relationship between the President, media and public opinion, *Criminal Justice Policy Review*, 2012, Vol. 23, No. 1, pp. 90–107. DOI: 10.1177/0887403410396211
57. Young G., Perkins W. B. Presidential rhetoric, the public agenda and the end of the Golden Age of Television, *Journal of Politics*, 2005, Vol. 67, No. 4, pp. 1190–1205. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2005.00356
58. Brace P., Hinckley B. *Follow the leader: Opinion polls and the modern presidents*, New York, NY, Basic Books, 1992.
59. Brace P., Hinckley B. *Follow the leader: Opinion polls and the modern presidents*, New York, NY, Basic Books, 1993.
60. Hinckley P. *The symbolic presidency*, New York, NY, Routledge, 1990.
61. Kernell S. *Going public: New strategies of presidential leadership*, Washington, DC, C.Q. Press, 2006.
62. Ostrom C. W., Simon D. M. Promise and performance: A dynamic model of presidential popularity, *American Political Science Review*, 1985, Vol. 79, No. 2, pp. 334–358. DOI: 10.2307/1956653
63. Ostrom C. W., Simon D. M. The president's public, *American Journal of Political Science*, 1988, Vol. 32, pp. 1096–1119.
64. Ostrom C. W., Simon D. M. The man in the Teflon suit: The environmental connection, political drama, and popular support in the Reagan presidency, *Public Opinion Quarterly*, 1989, Vol. 53, No. 3, pp. 353–387. DOI: 10.1086/269157
65. Ragsdale L. The politics of presidential speechmaking, 1949–1980, *American Political Science Review*, 1984, Vol. 78, No. 4, pp. 971–984. DOI: 10.2307/1955802
66. Ragsdale L. Presidential speechmaking and the public audience: individual presidents and group attitudes, *Journal of Politics*, 1987, Vol. 49, No. 3, pp. 704–736. DOI: 10.2307/2131275
67. Altheide D. L. *Terrorism and the politics of fear*, Lanham, MD, Altamira Press, 2006.
68. Altheide D. L. Moral panic. From sociological concept to the public discourse, *Crime, Media, Culture*, 2009, Vol. 5, No. 1, pp. 79–99. DOI: 10.1177/1741659008102063
69. Wall D. S. Cybercrime and the culture of fear: Social science fiction(s) and the production of knowledge about cybercrime, *Information, Communication & Society*, 2011, Vol. 11, No. 6, pp. 861–884. DOI: 10.1080/13691180802007788
70. Wall D. S. Cybercrime, media and insecurity: The shaping of public perceptions of cybercrime, *International Review of Law Computers and Technology*, 2008, Vol. 22, No. 1–2, pp. 45–63. DOI: 10.1080/13600860801924907
71. Levi M. Suite revenge? The shaping of folk devils and moral panics about white-collar crimes, *British Journal of Criminology*, 2009, Vol. 49, No. 1, pp. 48–67. DOI: 10.1093/bjc/azn073
72. Kingdon S. *Agenda, alternatives, and public policies*, New York, NY, Harper-Collins, 1995.
73. Gordon S., Ford R. On the definition and classification of cybercrime, *Journal of Computer Virology*, 2006, Vol. 2, No. 1, pp. 13–20. DOI: 10.1007/s 11416-006-0015-z
74. Kshetri N. Reliability, validity, comparability and practical utility of cybercrime – related data, metrics, and information, *Information*, 2013, Vol. 4, No. 1, pp. 117–123. DOI: 10.3390/info4010117
75. Cavelti M. D. Cyber-terror – looming threat or phantom menace? The framing of the US cyber-threat debate, *Journal of Information Technology & Politics*, 2007, Vol. 4, No. 1, pp. 19–36. DOI: 10.1300/J516v04n01_03
76. Trump D. J. Remarks during a roundtable with the American Technology Council, *The American Presidency Project*, 2017, June 19, available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=126491>
77. Bush G. W. Proclamation 7774 – National Crime Victims' Rights Week, 2004, *The American Presidency Project*, April 17, 2004, available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=62059>

78. Goode E., Ben-Yehuda N. *Moral panics: The social construction of deviance*, Cambridge, MA: Blackwell, 1994.
79. Clinton W. J. Remarks at the Council of the Americas 30th Washington Conference, *The American Presidency Project*, May 2, 2000, available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=58427>
80. Rothe D., Muzzatti S. L. Enemies everywhere: Terrorism, moral panic, and US civil society, *Critical Criminology*, 2004, Vol. 12, No. 3, pp. 327–350. DOI: 10.1007/s10612-004-3879-6
81. Bush G. W. Remarks on children's online safety, *The American Presidency Project*, October 23, 2002, available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=62644>
82. Lewis O., Fox S. *Fear of online crime*, 2001, available at: <http://www.pewinternet.org/2001/04/02/fear-of-online-crime/>
83. Clinton W. J. Remarks announcing steps to make the internet family-friendly, *The American Presidency Project*, July 16, 1997, available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pi>
84. Potter R. H., Potter L. A. The Internet, cyberporn, and sexual exploitation of children: media moral panics and urban myths for middle-class parents?, *Sexuality and Culture*, 2001, Vol. 5, No. 3, pp. 31–48. DOI: 10.1007/s 12119-001-1029-9
85. Obama B. H. Remarks at the Federal Trade Commission Constitution Center, *The American Presidency Project*, 2015, January 12, available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=109215>
86. Bowman-Grieve L. Cyberterrorism and moral panics, *Terrorism online, politics, law and technology*, ed. Jarvis L. et al., Abingdon, England, Routledge, 2015, pp. 87–106.
87. Bush G. W. Remarks at the World Bank, *The American Presidency Project*, July 17, 2001, available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=73621>
88. Obama B. H. Remarks on Signing an Executive Order on Promoting Private Sector Cybersecurity Information Sharing in Stanford*, California, *The American Presidency Project*, 2015, April 1, available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=109410>
89. Stroud S. R. Technology and mythic narrative: The Matrix as technological heroD quest, *Western Journal of Communication*, 2001, Vol. 65, No. 4, pp. 416–441. DOI: 10.1080/10570310109374719
90. Cavelty M. D. From cyber-bombs to political fallout: Threat representations with impact in the cyber-security discourse, *International Studies Review*, 2013, Vol. 15, No. 1, pp. 105–122. DOI: 10.1111/misr.12023
91. Cavelty M. D. *Cyber-security and threat politics*, New York, NY, Routledge, 2008.
92. Kingdon J. W. *Agendas, alternatives, and public policies*, New York, NY, Longman, 2003.
93. Jenkins H., Boyd D. Discussion: MySpace and Deleting Online Predators Act, *Digital Divide Network*, 2006, available at: <http://www.digitaldivide.net/articles/view.php?ArticleID=592>
94. Clinton, W. J. Statement on zero tolerance for prescription drug internet sites that harm patient health and safety. December 28, 1999, *The American Presidency Project*, available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=57125>
95. Marion N., Hill J. B. Presidential Rhetoric as Crime Control Theater: The Case of Cybercrime, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2015, Vol. 19, No. 2, pp. 81–97.

* Признана нежелательной организацией в РФ с 26.03.2026 / Recognized as an undesirable organization in the Russian Federation as of 26.03.2026.

Дата поступления / Received 17.09.2018

Дата принятия в печать / Accepted 18.11.2018

Дата онлайн-размещения / Available online 25.12.2018

© Марион Н., Хилл Д. Б. 2018. Впервые опубликовано на русском языке
в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>) 25.12.2018
© Marion N., Hill J. B., 2018